

Глава 8. Сяо Дин, у тебя такие гладкие руки

Только в этот момент Лоу Чэн внезапно осознал, что всё еще сжимает руку Сяо Дина.

Он поспешно отдернул пальцы и сердито буркнул:

— Черт! У меня руки потеют, и что? Ты об этом подумал? О чем ты вообще воображаешь!

Дин Сюэжунь лишь неопределенно отозвался коротким «угу»:

— Я еще не докурил, отойди подальше. — С этими словами он снова тихо прикрыл дверцу туалета.

Лоу Чэн снаружи выдал очередное «черт» и добавил:

— Псих.

Он потер вспотевшие ладони, и в голове промелькнула странная, ни с того ни с сего взявшаяся мысль: «А кожа-то у Сяо Дина такая гладкая...»

Он уже и не помнил, каково это — держаться с кем-то за руки. По правде говоря, он даже забыл, как выглядела его последняя девушка. Помнил только, что глаза у нее были большие, но всё равно не такие, как у Сяо Дина. И руки у нее, кажется, были не такими нежными, и кожа не такой чистой и белой...

Лоу Чэн что-то проворчал себе под нос. Он терпеть не мог запах табака, поэтому, вернувшись к своей кровати, наклонился и принялся к своей одежде. Как и следовало ожидать, уловил едва заметный шлейф дыма. Не выдержав, Лоу Чэн переоделся в чистую пижаму и только тогда залез наверх.

У Дин Сюэжуна не было никотиновой зависимости. Одной сигареты ему вполне хватило. Он прополоскал рот, снял часы, тщательно вымыл руки и тоже лег спать.

Утром Лоу Чэн любил поваляться в постели, поэтому Дин Сюэжунь не стал его ждать и один отправился в столовую на завтрак.

Он приходил в класс очень рано, хотя и не был первым. Самые усердные ученики появлялись здесь ровно в шесть, как только открывали замки учебного корпуса. Дин Сюэжуню нужно было успеть к началу утреннего чтения — опоздание на него приравнивалось к прогулу.

Лоу Чэн же опаздывал ежедневно.

Он пришел без школьной формы, в черной куртке-бомбере, засунув руки в карманы. На кафедре вела урок учительница физики, которую за суровость прозвали «Мастер уничтожения». Увидев его, она иронично бросила:

— Лоу Чэн, звонок на перемену еще не прозвенел, что ты забыл в классе?

— Пф... — кто-то из учеников прыснул.

Лоу Чэн стоял в дверях. Он бросил взгляд на Дин Сюэжуна и заметил, что тот даже не повернул головы в его сторону, продолжая смотреть на доску. Лоу Чэн ответил с обезоруживающей наглостью:

— Я был в медпункте. Он открывается только после восьми, я всё это время там ждал.

— А дожидаться перемены нельзя было?

— Я не мог ждать.

«Мастер уничтожения» сурово уставилась на него:

— Выйди. Зайдешь, когда закончится урок.

— Окей, — Лоу Чэн, не вынимая рук из карманов, повел плечом. — Только я вещь одну заберу.

Он подошел к своему месту, вытащил из кармана маленький, смятый в комок прозрачный пластиковый пакетик и бросил его на стол Дин Сюэжуня.

Лоу Чэн и сам проголодался. Он взял со стола бутылочку питьевого йогурта, а затем его рука замерла.

Словно он что-то искал.

Похоже, Лоу Чэн не нашел того, что хотел. Он опустил голову и взглянул на Дин Сюэжуня, обнаружив, что тот сегодня снова «притворяется прилежным» — Сяо Дин играл в телефон.

Лоу Чэн еще раз поворошил остатки завтрака на столе, тщательно всё проверив.

Учительница, видя, что он не уходит, уже гневно вскинула брови:

— Лоу Чэн, ты еще не нашел?

— Ты собираешься мешать всему классу?

— Уже иду, — Лоу Чэн даже головы не поднял. Убедившись, что Дин Сюэжунь сегодня не купил ему баоцзы, он помрачнел. Перед тем как выйти, он пнул свой стул, издав громкий грохот, от которого впереди сидящие отличники вздрогнули и испуганно обернулись на обычно покладистого «авторитета».

Лоу Чэн вышел из класса, распространяя вокруг себя волны подавленного гнева.

Учительница хотела было крикнуть ему вслед за шум, но он ушел слишком быстро — ругательство застряло у нее в горле.

Маленький засранец.

Дин Сюэжунь никак не отреагировал. Он сжимал ручку, а затем протянул руку и открыл пакетик, оставленный Лоу Чэном.

Внутри был тюбик мази от ожогов, коробка пластырей и флакон с дезинфицирующим спреем.

«Мастер уничтожения» велела Лоу Чэну стоять за дверью в наказание.

Однако стоило ему выйти, как он тут же испарился, направившись на баскетбольную площадку.

Шел первый урок, никому и в голову не пришло бы прогуливать ради баскетбола. Лоу Чэн был

один. Он носился по площадке, отрабатывая дриблинг, трехочковые и данки. Он был весь в поту, но, казалось, не чувствовал усталости, позволяя энергии выходить вместе с каплями пота.

Перемена длилась всего десять минут. Никто не ходил на стадион в такое время, и ни у одного класса вторым уроком не было физкультуры. Поэтому на всём огромном стадионе была видна лишь одна фигура, азартно выплескивающая силы.

Стадион находился на приличном расстоянии от учебного корпуса: нужно было пройти мимо двух зданий, обогнуть спортзал и миновать зеленую зону — минут пять-шесть пути.

Дин Сюэжуню нужно было успеть на следующий урок, поэтому он шел быстро. Он оказался на тропинке за спортзалом — отсюда в густой тени деревьев отлично просматривалась баскетбольная площадка.

Он замер на месте, постоял минуту и ушел.

Лоу Чэн как раз решил передохнуть. Он перестал забивать мячи, и баскетбольный мяч лениво запрыгал по покрытию, описывая дуги. Лоу Чэн посмотрел в сторону учебного корпуса, откуда донесся звонок на урок, и заметил лишь спину в школьной форме, быстро скрывающуюся за густой листвой.

Ему показалось, что фигура знакома, но он не придал этому значения.

Дин Сюэжунь вернулся в класс, была пятница. Лоу Чэна он не видел до самого конца дня.

Поскольку Дин Сюэжунь был иногородним, выходные он обычно проводил за учебой в школе. Кто-то уходил на дополнительные курсы, кто-то уезжал развлекаться.

В их школе изначально полагалось учиться и по субботам, но потом кто-то накатал жалобу, и администрация прекратила субботние занятия.

Ученики радовались, а вот родители чувствовали себя обделенными и ворчали: «Репетиторы сейчас такие дорогие! Минимум триста юаней за два часа! О чем думал тот, кто пожаловался? Школа столько денег нам, родителям, сэкономила!»

Дин Сюэжунь считал, что отсутствие уроков — это к лучшему. В субботу утром он рано вышел из дома, изучил маршруты автобусов, доехал на метро, сделал пересадку и добрался до центра опеки и реабилитации для людей с ограниченными возможностями под названием «Подсолнух».

Он заранее нашел информацию об этом месте в интернете. Там проживало много инвалидов: от маленьких детей до глубоких стариков — всего человек сорок-пятьдесят. Были те, кто потерял ноги в железнодорожных авариях и был сдан сюда родными; были и те, кто с рождения страдал умственной отсталостью и, отличаясь от обычных людей, был оставлен семьей на попечение центра.

Это были люди, выброшенные обществом на обочину.

Дин Сюэжунь предварительно позвонил, и когда директор центра увидел волонтера, тот оказался совсем юным студентом. На лице директора невольно промелькнуло разочарование.

— Студент Дин, ты ведь еще учишься?

— Да. В выходные у меня нет занятий, я могу прийти помочь. — Дин Сюэжунь нес в руках большую сумку. Он огляделся: центр был небольшим, фактически это были переоборудованные помещения первого этажа жилого комплекса с двумя выходами — во двор и на улицу.

Дин Сюэжунь зашел через двор, предварительно позвонив в домофон, так как по телефону его предупредили: «Уличная дверь заперта на замок, оттуда не выйти».

Услышав ответ Дин Сюэжуна, директор натянул вежливую улыбку:

— Что ж, спасибо тебе. Спасибо от лица детей, ты славный малый. Кстати, студент Дин, ты взял с собой паспорт и студенческий? Нужно пройти регистрацию.

Он проследовал за директором в кабинет. Тот взглянул на студенческий билет:

— О, ты из Шестой школы.

— Да.

— Значит, ты наверняка отлично учишься, — улыбнулся директор. — Сразу видно — примерный ученик.

Дин Сюэжунь спросил:

— Директор, у вас есть личные дела подопечных? Я бы хотел поближе с ними познакомиться.

— Есть. — Директор открыл файлы на компьютере. — Можешь изучить здесь, выносить эту информацию нельзя.

Информацией были имена, фотографии и медицинские заключения.

Дин Сюэжунь медленно листал файлы, слушая директора.

— Центр «Подсолнух» существует давно, с девяносто пятого года. Мы пережили три переезда и дважды меняли название.

— Держимся за счет равнодушных людей и поддержки правительства.

Поговорив немного, директор с мягкостью в глазах добавил:

— Студент Дин, сейчас мало таких отзывчивых ребят, как ты.

На лице Дин Сюэжуна промелькнула тень грусти, но он улыбнулся:

— Мои близкие такие же, как они, поэтому мне очень хочется сделать хоть что-то.

— Бедный ребенок, — вздохнул директор.

— Денег у меня немного, я не могу сильно помочь материально, — договорив, Дин Сюэжунь наклонился и вытащил из своей сумки канцелярию. — Я слышал, у вас много детей, поэтому принес то, что им пригодится.

Увидев изящные и красивые канцелярские принадлежности, которые редко встретишь в обычных магазинах, директор очень обрадовался и встал, чтобы поблагодарить его:

— Ты ведь еще сам учишься, а уже так внимателен...

Дин Сюэжунь ответил, что так и должно быть.

Его мать была глухонемой, с врожденным дефектом, но при этом обладала красотой, от которой захватывало дух. Вскоре после встречи с Дин Чжаовэнем она родила сына.

Союз глухонемого и здорового человека всё же несет риск рождения глухонемого ребенка. Когда Дин Сюэжунь только родился, он не плакал и не кричал. Дин Чжаовэнь не обратил внимания на младенца, первым делом бросившись к жене.

Жена, видя, что ребёнок не плачет, очень волновалась. Она использовала язык жестов, чтобы спросить Дин Чжаовэня, как дела у малыша.

Только когда медсестра шлепнула младенца по ягодицам, Дин Сюэжунь закричал.

Дин Чжаовэнь успокоил жену:

— Он плачет, он издал звук.

По непонятной причине Дин Чжаовэнь относился к сыну прохладно. В бытовом плане он ни в чем его не ущемлял, но в плане чувств... он не был хорошим отцом.

В детстве Дин Сюэжунь думал: может, отец не любит его потому, что у него нет никаких дефектов? Постепенно это переросло в навязчивую идею. Он начал искать в себе изъяны. Вскоре после того, как он научился курить, он впервые прижег себе руку.

Эта скрытая боль приносила странное облегчение, избавляя от стресса. Он с каким-то упоением смотрел на поврежденную кожу, чувствуя, что наличие физического изъяна приносит его израненной психике определенное удовлетворение и покой.

Впрочем, он хорошо себя контролировал: не позволял никому узнать об этом и не совершал ничего более ужасного или опасного.

Дин Сюэжунь проработал волонтером в центре весь день и только к вечеру вернулся в школу на метро.

В субботу кампус почти пустовал. Дин Сюэжунь проголодался и зашел в кафе напротив школы съесть порцию лапши с говядиной.

Лапша за воротами школы стояла почти столько же, сколько в столовой, но была куда вкуснее.

Закончив трапезу, он, измученный долгим днем, побрел к школе.

Прямо у ворот зазвонил телефон. Это был Дин Чжаовэнь.

Дин Сюэжунь шел по ночному притихшему парку, слушая голос отца в трубке:

— Я отправил тебе посылку, завтра придет. Там ватное одеяло, свитеры и пуховик. Посмотри, может, нужно что-то еще, папа пришлет.

Дин Сюэжунь ответил, что больше ничего не нужно.

Как и во все предыдущие разы, разговор не продлился и десяти секунд — трубку положили.

Вернувшись в комнату, он провел стрим, решив вариант по математике. Как раз в это время ему предложили разместить рекламу, назвав цену.

Дин Сюэжунь немного поколебался, но оставил свои контактные данные.

В понедельник утром Лоу Чэн явился на занятия. Первым делом он окинул взглядом стол — баоцзы не было.

Он с грохотом отодвинул стул, его красивое лицо выражало крайнее недовольство.

Дин Сюэжунь подпер голову рукой, выставив напоказ свои кварцевые часы.

Увидев это, Лоу Чэн вспыхнул. С трудом сдерживая гнев, он хлопнул по столу:

— Где лекарство, которое я тебе купил?!

Дин Сюэжунь повернул голову. Две густые брови Лоу Чэна были сдвинуты к переносице, всё его лицо так и пылало от раздражения.

— Тебя спрашиваю! — Лоу Чэн уставился на его щеку. Ему до смерти хотелось ущипнуть его посильнее и спросить: «Сяо Дин, как ты можешь быть таким бессовестным? Неужели я к тебе недостаточно добр?»

Дин Сюэжунь по-прежнему молчал. Он правой рукой расстегнул браслет часов, обнажив под ним плотно прилегающий к коже пластырь.

Выражение лица Лоу Чэна немного смягчилось. Но стоило ему вспомнить, что Дин Сюэжунь снова не купил ему баоцзы и ведет себя так, будто ничего не произошло, он снова надулся, фыркнул и отвернулся, делая вид, что не замечает соседа.

—

Примечание автора:

Лоу Чэн: Хнык-хнык, Сяо Дин, где мои баоцзы?

Сяо Дин: Ты разве не говорил, что не ешь овощи?

Лоу Чэн: Да чушь это! Я больше всего на свете люблю овощи!

—

<http://bllate.org/book/17061/1588431>